

С. А. Оськин*

**АЛЕКСАНДРОВ В. Б. РУССКАЯ СОЦИАЛЬНО-
ФИЛОСОФСКАЯ МЫСЛЬ: ТЕМЫ, ИДЕИ, ТРАДИЦИИ. —
СПБ.: ИПЦ СЗИУ — ФИЛ. РАНХИГС, 2017. — 144 с.**

S. A. Oskin

*ALEXANDROV V. B. RUSSIAN SOCIAL AND PHILOSOPHICAL THOUGHT: THEMES,
IDEAS, TRADITIONS. ST. PETERSBURG, IPC SZIU — FIL. RANHIGS, 2017. 144 P.*

Можно только порадоваться за очередную новинку современной отечественной философской мысли, вышедшую в издательстве Северо-Западного института управления — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ и посвященную истории русской философии. Профессор В. Б. Александров, раскрывая основные темы, идеи и традиции русской социально-философской мысли, проанализировал основополагающие черты мышления отечественных философов, которые легли в основу постановки актуальных для российского общества социально-философских проблем и способы их решения.

Русскую религиозную философию, представляющую собой особую форму мировоззренческого консерватизма, вслед за такими признанными ее исследователями, как В. В. Зеньковский и наш современник И. И. Евлампиев, автор настоящей монографии рассматривает в качестве наиболее глубокого и тонкого выражения отличительной черты отечественной культурной традиции — поиска оснований для национального духовного самоопределения и смысловых основ человеческого бытия. Новизна философской мысли автора монографии выражается в том, что ему удалось выявить общую линию

* Оськин Сергей Александрович, кандидат политических наук, доцент кафедры журналистики и медиакоммуникаций, Северо-Западный институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, osakistan@mail.ru

в разработке русскими мыслителями социально-философской проблематики, выявлении сущностных черт истории отечественной культуры, осмыслении основополагающих аспектов социальной реальности.

В. Б. Александров со свойственной ему пунктуальностью акцентирует внимание на том, что русские философы анализировали проблему социальной реальности в одной плоскости с вопросом о свободе человека, однако тяготея к ее целостному видению, они не рассматривали существующие формы ее проявления в качестве источника подавления духовной свободы человека, а наоборот, видели в них основную предпосылку выявления всей возможной полноты свободы человеческой личности как главного условия личностного бытия. Особенность русской философской мысли как раз и проявилась в том, что такое смысловое значение, придаваемое образу социальной реальности, возможно лишь в том случае, когда ее природа рассматривается в качестве имеющей прежде всего духовные основания своего существования. Тогда становится очевидно, что и постижение социальной реальности осуществляется прежде всего в самом бытии человека. В этом случае социальная реальность представляется изначально единой, равно как един народ в его социально-историческом бытии, внутренней духовной связи, а каждый человек самим фактом своего существования включен в это единство, прежде всего духовное. При этом основной формой проникновения человеческого сознания в сокровенное социальной реальности русские религиозные философы считали акт веры, в котором, по определению Н. А. Бердяева, нам дается подлинная реальность.

Оригинальный авторский подход прослеживается в противопоставлении размышлений русских религиозных философов о социальной реальности представлениям К. Маркса и К. Поппера. Если в западноевропейской традиции, при всех различиях между марксистским холизмом и попперовским индивидуализмом, свобода сопрягается прежде всего с определенным пониманием рациональной формы общественной организации, то в отечественной религиозно-философской традиции рубежа XIX–XX вв. она связывается с внутренним единением социума и его приобщением к духовному стержню национальной истории. В русской религиозной философии образ социальной реальности вытекает прежде всего из ценностного мира человеческой личности, понимания ею свободы и смысла собственного существования.

В. Б. Александров подчеркивает, что русские религиозные философы формировали свое особенное понимание человеческой личности, акцентируя внимание на ее устремленности к Божественному началу. Само постижение Божьего замысла выражено ими через образ социальной реальности, который имеет национально-культурный характер и обращен к условиям человеческого существования, сопряженным с Божественным предопределением. Отличие отечественной философской мысли конца XIX — начала XX в. от западноевропейской рациональности заключается в отказе от сведения мотивации социального и политического поведения индивидов к частному интересу, поскольку за совокупностью частных интересов пропадает всеобщий интерес нации как единого целого. Подлинное существование человека и социума, личности и группы сводится русской философией к понятию соборности (по Н. А. Бердяеву — к коммюнитарности).

Из характерного для западноевропейской философии и социологии понимания социальной реальности как механической суммы индивидов вытекает утрата онтологического ядра народа — единства народной воли, поскольку от механической суммы единичных человеческих волевых устремлений невозможно перейти к общей воле народа. В. Б. Александров обращает внимание на сказанные более ста лет назад слова С. Л. Франка о том, что западное общество представляет собой пассивный материал, при энергичном воздействии на который можно вылепить любую желательную для воздействующего форму. В таком случае демократия незаметно обернется диктатурой как формой подавления индивидуальности. Пророческий смысл этих слов мы видим в современном нам мире, когда практическое применение методологии, базирующейся на рационалистическом понимании социальной реальности, приводит к тому, что манипуляция общественным мнением с помощью средств массовой информации становится в лучшем случае фактором ограничения возможностей политических оппонентов, а в худшем — фактором их удаления с политической сцены.

Русская же религиозная философия рассматривала социальную реальность как выражение мистического единства бытия народа, приобщение к которому предполагает принятие веры, укорененной в соборной любви к Богу, став иррациональной формой поиска фундаментальных ценностей национальной культуры.

Особое внимание автор монографии уделяет поиску духовных оснований хозяйственной деятельности в отечественной философской мысли, поскольку русские философы критически относились к различным материалистическим и утилитаристским концепциям, получившим популярность во второй половине XIX в., и стремились к обоснованию духовных начал всех форм и видов деятельности человека, направленных на преобразование природной среды. Здесь В. Б. Александров опирается на идею В. С. Соловьёва, который в системе мотивов, определяющих поведение человека, отдавал приоритет нравственным побуждениям. Из этого следует, что и в экономической, и в производственной деятельности человек мотивирован в первую очередь не рациональным расчетом, а стремлением к благу, прежде всего — к солидарному общественному благу, понимаемому как духовное благо, соответственно, корыстный расчет в этой парадигме следует рассматривать как проявление моральной несостоятельности, поскольку никакая экономическая необходимость не должна помешать человеку, ведущему хозяйственную деятельность, подчинить материальные соображения нравственным.

В. Б. Александров в своей монографии подчеркивает, что влияние нравственного сознания на сферу экономики нельзя отрицать. Именно через ценностный фактор экономическое поведение участников хозяйственной жизни современного общества связывается с различными пластами или видами культуры и даже личными предпочтениями субъектов экономической деятельности. При этом полагать, что главным законом для человека, ведущего хозяйственную деятельность, является закон нравственный, тоже было бы опрометчиво. Автор монографии, таким образом, приходит к выводу, что признание влияния нравственности на хозяйственную деятельность не оз-

начает универсальной зависимости экономической сферы от «нравственной необходимости». Экономический интерес, будучи феноменом духовного порядка, неразрывно связан с другими интересами и ценностями членов общества, и через эту взаимосвязь выстраивается духовная жизнь субъекта хозяйственной деятельности, что приводит автора к выводу о существовании духовных основ экономических процессов.

По мнению В. Б. Александрова, наиболее развитую философскую концепцию духовной природы хозяйственной деятельности человека выдвинул С. Н. Булгаков, который в качестве подлинного субъекта хозяйства обозначил трансцендентального субъекта — человечество в целом, несущее в себе субстанциональное духовное начало. Изначальной основой хозяйственной деятельности была жизненная необходимость, но своей активностью, направленной на развитие хозяйства, человек обусловил развитие культуры, а она, в свою очередь, наполнила хозяйственную деятельность людей духовным содержанием. По С. Н. Булгакову, благодаря хозяйственной деятельности природа наполняется энергией жизни, вследствие чего мертвая материя преобразуется в организм, продолжающий органическое бытие человека.

В. Б. Александров приходит к выводу о том, что идея очеловечивания и одухотворения материи, которая прослеживается в концепции осмысления хозяйственной деятельности, предложенной русскими философами, предвосхитила концепцию ноосферы, сводящей, так или иначе, разум к научному познанию и полагающей, что ноосфера представляет собой биосферу, преобразованную на основе науки. В то же время русские философы рассматривают преобразующее начало в деятельности человека в качестве некоей целостности, объединяющей в себе рациональное и духовно-ценностное освоение мира, и именно в противостоянии и взаимном обогащении этих сторон и происходит преобразование природного мира человечеством.

Правоту русских религиозных философов подтверждают приведенные В. Б. Александровым результаты исследования качества жизни населения развитых западных стран, из которых следует, что в шкале ценностей большинство населения отдает предпочтение не достижению материального благосостояния как самостоятельной ценности, а сохранению здоровья, прочности семейных отношений, дружбе и социальному миру. Это означает, что экономическое поведение выступает в качестве лишь одного из способов обретения заявленных ценностей и самоосуществления субъекта культуры.

Рассматривая вопрос о природе нации, В. Б. Александров сопоставляет позиции В. И. Ленина, с одной стороны, и С. Н. Булгакова и Н. А. Бердяева — с другой. С ленинской точки зрения, основной формой социального бытия выступает класс. В таком случае и личность обретает подлинность своего существования только в рамках определенной классовой общности, а национальное бытие вторично и осваивается человеком исключительно сквозь призму его классовой принадлежности. Позиция русских религиозных философов является диаметрально противоположной. С точки зрения С. Н. Булгакова, нация имеет мистическую, трансцендентальную основу, а Н. А. Бердяев утверждает, что национальное бытие — это высшее условие творческого бытия, в котором личность выступает как субъект, творящий культуру.

В монографии проанализирована политическая философия Н. А. Бердяева, С. Л. Франка и И. А. Ильина, их взгляды на природу власти, государства и права. Их объединяет неприятие рационалистического подхода к общественной жизни, органическое понимание общества как иерархически организованной целостности и трактовка общественной жизни как божественной в своей основе. С. Л. Франк, как и Н. А. Бердяев, полагает, что государство, закон, власть мистичны по своей природе, но он выражает мистические основания их существования в духе объективного идеализма.

С позиций И. А. Ильина, человек является существом духовным. Главное, что характеризует природу человека, — это воля к духу, а одним из проявлений стремления к духовному самоопределению выступает правовое поведение человека. Стремление к духовному самоопределению в сфере правовых отношений выражается, согласно И. А. Ильину, законом духовного достоинства, который составляет «первую аксиому правосознания». Философ выводит природу власти и права через учение о правосознании как о своеобразной «душе народа», принципиально отличающейся от государственного сознания, возникающего вместе с государством. Правосознание, по И. А. Ильину, выступает той почвой, на которой произрастают государственное правосознание и государственная форма народа. Со всей определенностью он подчеркивает, что правосознание не сводится к «сознанию» или «мышлению», и определяет его как душу народа. В отличие от своих предшественников, И. А. Ильин отходит от понимания мистических оснований формирования государства как выражения его божественной природы и начинает видеть ее как следствие укорененности государства в истории культуры.

Также в монографии рассматривается понимание русскими религиозными философами идеи прогресса. С точки зрения автора, русские философы выявили глубинное метафизическое содержание проблемы прогресса, четко отделив подходы позитивной науки от философского смысла данной проблемы. Сосредоточив свое внимание на человеческой, т. е., по сути, нравственной стороне исторического прогресса, они показали принципиальную нравственную проблематичность идеи прогресса. По мнению В. Б. Александрова, эта проблематичность связана с тем, что идеология, предлагающая в качестве мотива стремление к совершенному обществу, превращает существующие поколения в средство для достижения этой цели, отказывая ему в праве на собственный поиск пути к счастью и нравственному совершенству. С другой стороны, совершенное общество оказывается иллюзией, поскольку существует неразрешимость противоречия между добром и злом, и следствием этой неразрешимости, невозможности выхода из данного противоречия в земной человеческой истории русские религиозные философы называют эсхатологическое учение, согласно которому небесная история должна сменить земную.

В главе, посвященной теме катастрофы в отечественной культурной традиции, В. Б. Александров осмысливает три сложившихся в ней основных архетипа: архетип Великого потопа как образ катастрофы, посланной людям за их прегрешения в земной жизни, и выражает ее очищающий характер. Второй архетип определяется автором как архетип Вавилонской башни, в котором закодирован извечный страх перед катастрофами, являющимися

следствием технологической гордыни людей, слишком глубоко уверовавших в свои созидательные возможности. Третий архетип, играющий большую роль в формировании отношения к катастрофическим явлениям, автор назвал архетипом царя Валтасара, который составляет коренящееся в глубинах общественного сознания представление о правителе, чья несправедная жизнь привела к гибели всего царства. Также здесь анализируются основные модели трактовки смысла человеческой активности перед лицом надвигающегося катастрофического завершения истории.

В главе, посвященной категориальному строю мышления российского консерватизма, В. Б. Александров проанализировал существенные черты взглядов таких наиболее значительных представителей русского консерватизма, как К. П. Победоносцев и К. Н. Леонтьев, и выявил основные категории мышления, характерные для русского консерватизма. В качестве первого и важнейшего положения консервативной парадигмы автором выделена характерная для всей отечественной философской традиции рубежа XIX–XX вв. идея духовной природы общественной жизни. Соответственно, категория духовности в консервативной парадигме выражает самое главное условие существования здорового, а значит, цельного общества. Не менее важной категорией, конкретизирующей принцип духовности, является категория нравственного начала как важнейшего внутреннего стержня общественной жизни. Также автор обращает внимание на то, что формирование духовных основ общества предполагает существование духовной аристократии, главной задачей которой становится посредничество между сферой духа и народной жизнью.

Еще одной категорией, посредством которой русские консерваторы формировали представление о духовной жизни, была категория истины. Автор обращает внимание, что она в их рассуждениях выступала в качестве особого способа жизни, реализующего фундаментальную мировоззренческую установку, смысл которой исходил из понимания того, что подлинным средоточием духовности является религиозная жизнь.

Власть в рамках идеологии русского консерватизма понимается как служение. Категория служения является основополагающей для понимания смысла государственной власти. Служение означает, что человек относится к службе не столько как к исполнению профессиональных обязанностей, сколько как к деятельности, сопряженной с высокой ответственностью перед своим народом и тем самым приобщенной к духовным основам его бытия.

Автор делает вывод, что русский консерватизм связывает духовные основы общественной жизни с православием, с верой в Бога. Однако такой способ толкования духовности не является единственно возможным, поскольку духовность можно рассматривать как служение идее народного блага, сохранению национальной традиции или национального духа своего народа.

В. Б. Александров завершает монографию рассмотрением идеи целостности духовного опыта в русской религиозной философии, критикой историзма в трудах Н. А. Бердяева, С. Л. Франка и Г. В. Флоровского, анализом мистического переживания мира в творчестве славянофилов, В. В. Розанова, С. Л. Франка, В. С. Соловьёва, осмыслением человеческой телесности в творчестве В. С. Соловьёва, Н. А. Бердяева, С. Л. Франка, В. В. Зеньковского и М. М. Бахтина.

К идеям, высказанным выдающимися представителями русской религиозной философии, можно относиться по-разному, но нельзя не признать того, что их труды представляют собой важнейший интеллектуальный ресурс, а рецензируемая монография В. Б. Александра «Русская социально-философская мысль: темы, идеи, традиции» является их оригинальным авторским осмыслением — новаторской вариацией социально-философской рефлексии.